

ЛЕТЯЯ

ГЛУПА Я СИНЕГЛАЗА Я
 ОДНА ТАКА Я
 УЛЕТА Я
 УЛЕТАЮ Я
 ЯСНО-СИНЯЯ
 НЕВЫНОСИМО Я
 КРАСИВА Я
 ЛЕТО ЯГОДНОЕ
 Я - НЕГОДНАЯ
 ЯРОСТНО-ЯВНАЯ
 ЯВНО МОДНАЯ Я

КАСЯ КАГАНОВСКАЯ

АУТАРЫ: Кася Кагановская,
 ХМ, А. Лепская,
 Типа Суринамская,
 Уголек, Убер Аллес,
 Яся Ватьян, М.
 Николай Щетинин,
 Schema, Ангина,
 Упавшая Дверь,
 Дивови Ттани,
 Легко Мысленная

Малюнки:

МАРИНА (М)
 БЕЗУМНЫЙ СИД (С)
 STI, LT (Л)

Цэльсїі і фарэнгейты, Джордны Бушы і Білы Гейтсы... У галаве, як звычайна, нешта несвядомае, памножаннае 'НА КРЫЗІС СЯРЭДНЯГА' УЗРОСТУ ЯКІ ПРАЦЯГВАЕ ДАКАНЫВАЦЬ ГАЛОУНАГА РЭДАКТАРА. Косачкі, кропачкі, працяжнічкі... А ў модзе заўсёды папса. І танная, НА ЯГО ЗАРАЗ СКІДКІ (???) . ПА МЕНЬШАЙ

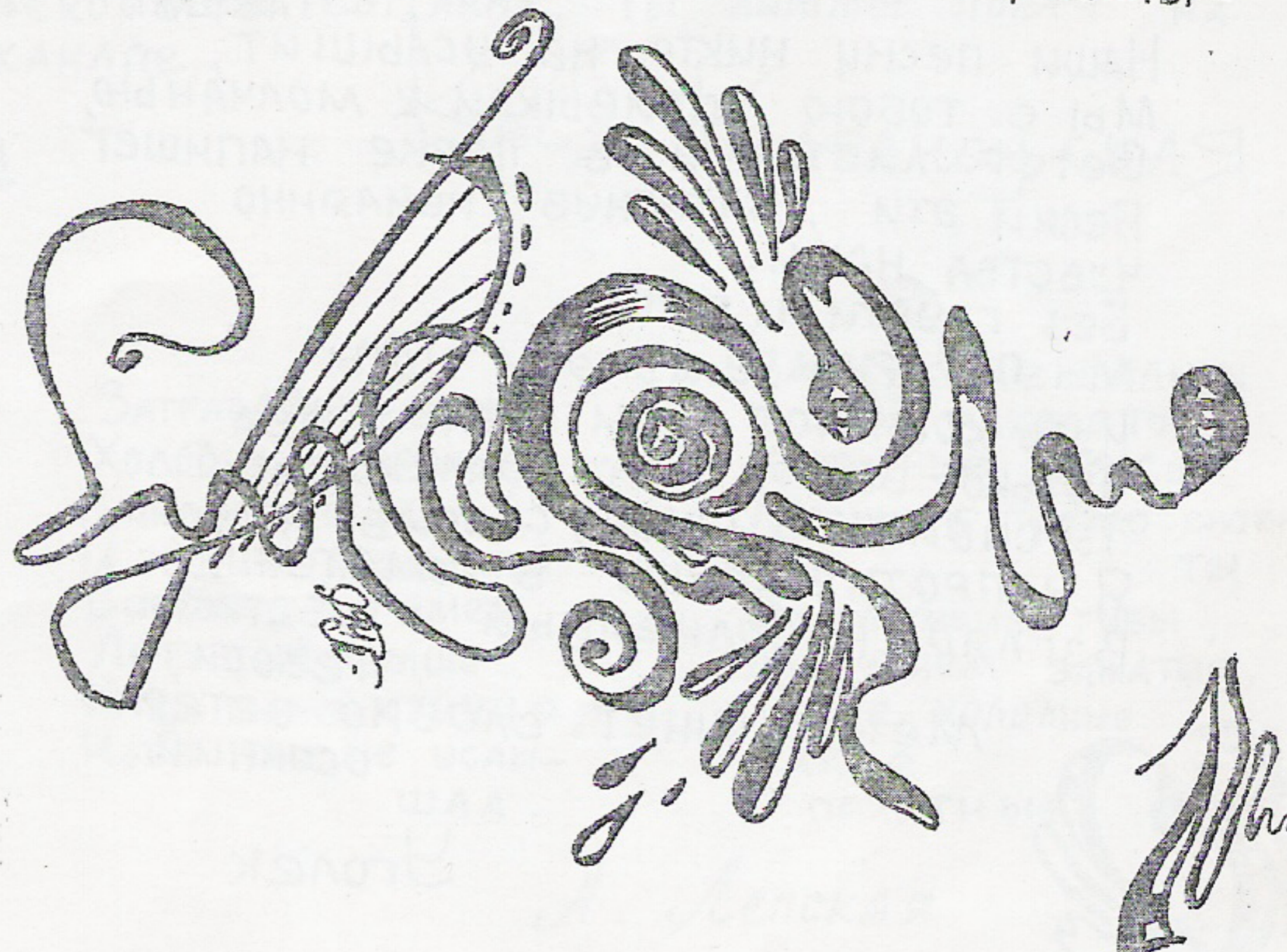
САЛОДКАСУЬ. КУПЛЯЙЦЕ ЦУКАР ТОНАМІ МЕРЫ, ТАК МНЕ ЗДАЛОСЯ.

Класіфікацыя ідыятызму па шкале Рыхтэра. Дарэчы, мае рацыю. Цян-натойпу дурняў. Трэба шукаць сабе падобнайню ў экстрэмальных умовах. Не мая парада — з кніжкі па выны-

А кніжкі амаль заўсёды пішуць тая самыя разумнікі. А за вокладкамі — фотаздымкі мінулых перамог. І ні слова пра паранжні... Рэклама? Не. Усяго толькі найўныя спробы захаваць душэўны спакой. А вось на гэта мае права нават самы апошні дурань у свеце.

А цяпер паступова збіраецца. Па кроплях. І хутка ўжо час для новых фотаздымкаў...

К. К.

"137 по Цельсию" — бескартысное і абсу-
рднае выданне на дзвюх мовах.
Тырані $\in (0; +\infty)$. Перыядычнасць бес-
сістэмная. Адрас: 220113, г. Мінск,
вул. Я. Коласа, 50-1-39

Галоўны рэдактар — Кася Каганіцкая
Галоўны намеснік галоўнага рэдак-
тара — Упавшая Дверь

Незаменимыя памочнікі галоўнага
намесніка галоўнага рэдактара —
Ярослава Ананко, Анна Лепская,
Франческа

Асобныя падзякі — Маріне, Яро-
славе Ананко, Уснўшай Ласке,
Асиной, Міхе і ўсім тым, хто
ўдзельнічаў у складанні хіт-
параду

Асобныя прывітанні — А.С., Анги-
не, Калите, А. Лепской (с
днём р.!!!)

прызаў. Але ж цяпенне, цяпенне, усё
свой час... А пакуль што актыўна
ўдзельнічаўце ў складанні хіт-параду
чакаем ад вас варыянты лепшай
цёркі твораў гэтага нумара.

А яшчэ мы рады паведаміць вам аб
нараджэнні новага з'яў — "Урбанізацыя
стран Афрыкі". Мы такія розныя і
нітакі мы разам! Заказ праз рэдак-
цыю "137 по Цельсию" (даслаць ма-
кіраваны канверт). Падрабязнасці —
нас на.

Кошт аднаго экзэмпляра "137 по
Цельсию" — 600р. (любый нумар).

Наступны нумар — 11 кастрычніка.

У.ДВ. і К.К

Для пачатковых аўтараў:

1. Произведения должны быть напечатаны/
написаны от руки разборчиво и
аккуратно, каждое с нового листа.
В двух экземплярах.
2. Беларускаямоўным творам — перавата.
3. Редакция оставляет за собой право
исправлять ошибки.
4. Рисунки должны быть (желательно)
в чёрно-белом варианте.

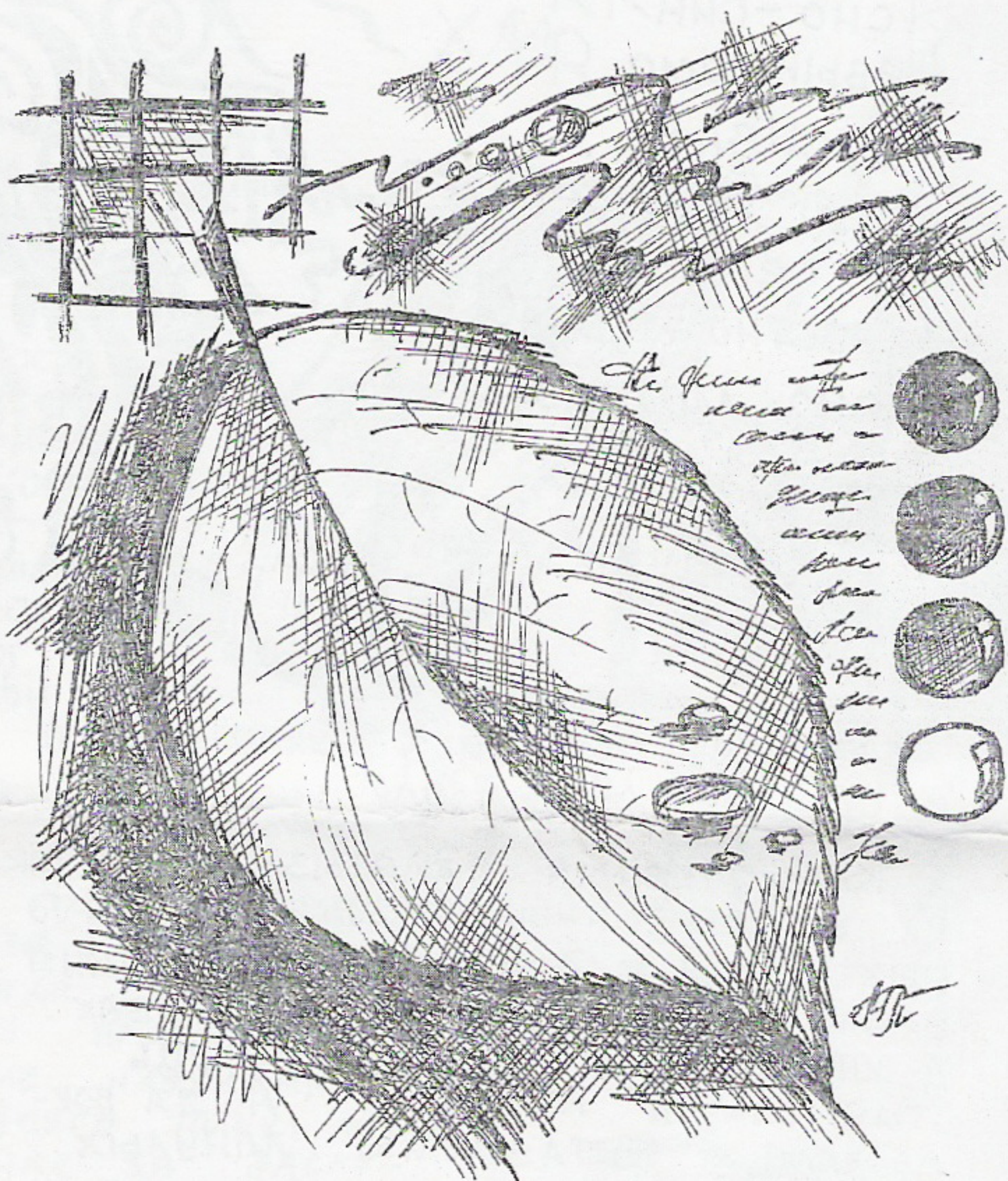
...
сень. Дождь стучится в моё сердце.
Его отражается в лужах и в глазах
людей.

Молчу. Ты думаешь о смерти.
Ты не можешь жить среди дождей.
Ты не веришь больше никому,
Молча ты всем душу изливаешь
И понять не можешь, почему
Всем плевать на то, что ты здесь
таешь.

Наши песни никто не услышит.
Мы с тобой привыкли к молчанию,
Ветер листьями в парке напишет
Песни эти, затронув нечаянно
чувства наши.

Без грусти и гнева
Мы подарим ему эти ноты,
Цуть коснутся они края неба,
Только вот от него далеко ты...
Ты сидишь у окна, свесив ноги,
Я напротив сижу в смятении,
Взгляд, наполненный чувством
тревоги,
Меня шнёт словно ветер
осенний...

Уголек

Осень

Я слышу повсюду осень:
Невидимым листопадом заслоняет солнечный свет.

Как нелегко на промёрзшей земле оставить свой
Люблю я смотреть, как небо усталое просит
Кусочек тепла себе.

Осень пришла, а за ней снова будет зима.
Как непривычно не слышать листьев под ногами.
Осень приходит в апреле и, значит, цветами,
А не застывшими песнями ветра нас встретит.

ГЛАГОЛ

Вороны чёрными мокрыми
 висят на груди. Святыи
 трапками кресты.
 словно распяты. Чёрным
 пятнами
 в душах земных
 неземной пусто

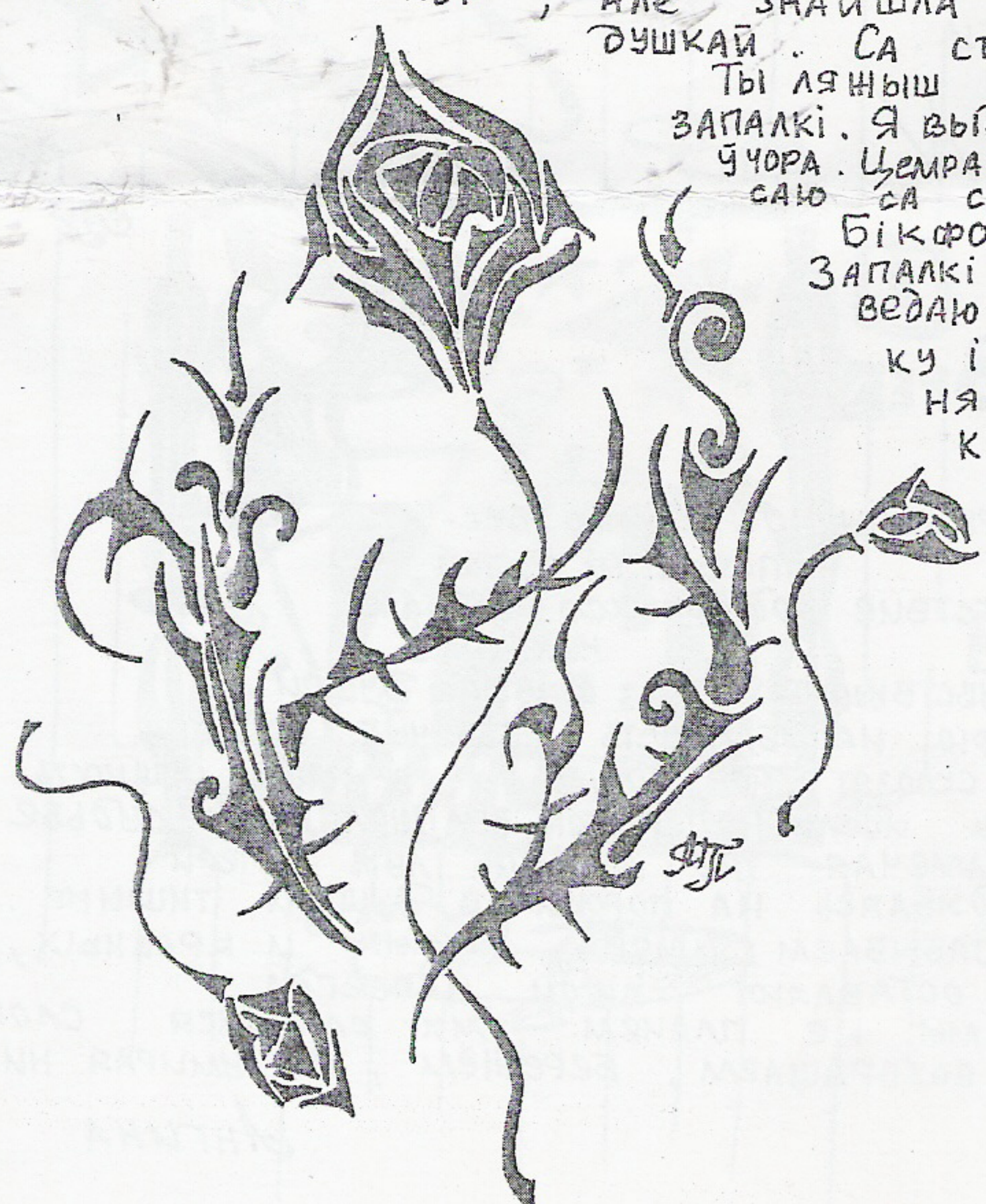
Липа Суриямска

Тот, который слухи обо мне —
 Пенсионер на поводке вертухаем,
 Звероящер на груди камней,
 Гиббон, порхающий в трамвае.
 А тот, который знает, что он — Я,
 Оскорблен умом и нравом не бесплотен,
 Сосед по стояку, подсевший на коня,
 Декретов и волков бетонных подворотен,
 Запасники апостольских лубков —
 Там, где Я на самом деле —
 Отбитых копчиков да молбдых лубков,
 что подлецов и героинь-любовниц делают..

Ты ляныш побач Убер Амес НА КАНАПЕ

Ты ляныш побач на канапе. Са столі звисае бікфордаў шнур. Ці звычайная вярочка: мне цяжка вызначыць гэта ў цемры. Я ведаю, я выдатна разумю, што павінен быць працяг, але, на жаль, забылася ўзяць запалкі. А ўласных ты, канечне, не маеш. Занадта трохвугольны пакой. Занадта трохвугольная цішыня. Ты ляныш побач на канапе. Я забылася ўзяць бікфордаў шнур, але знайшла запалкі пад падушкай. Са столі звисае звычайная цішыня. Ты ляныш побач на канапе да якой вярочкай прывязан запалкі. Я выдатна разумю, што трохвугольнікі з'явіліся толькі ўчора. Цемра працягваецца. Я бікфордавым шнуром звисаю са столі. Ты ляныш побач з канапай. Бікфордаў шнур пад сталом у форме трохвугольнік запалкі танчаць на столі. Ты ляныш побач на канапе. Ведаю, што працяг — гэта я. Цемра ўзяла вярочку і пайшла вешацца. Засталася падушка і няскончаны світанак. Ты ляныш побач на канапе.

Кася Каганюска

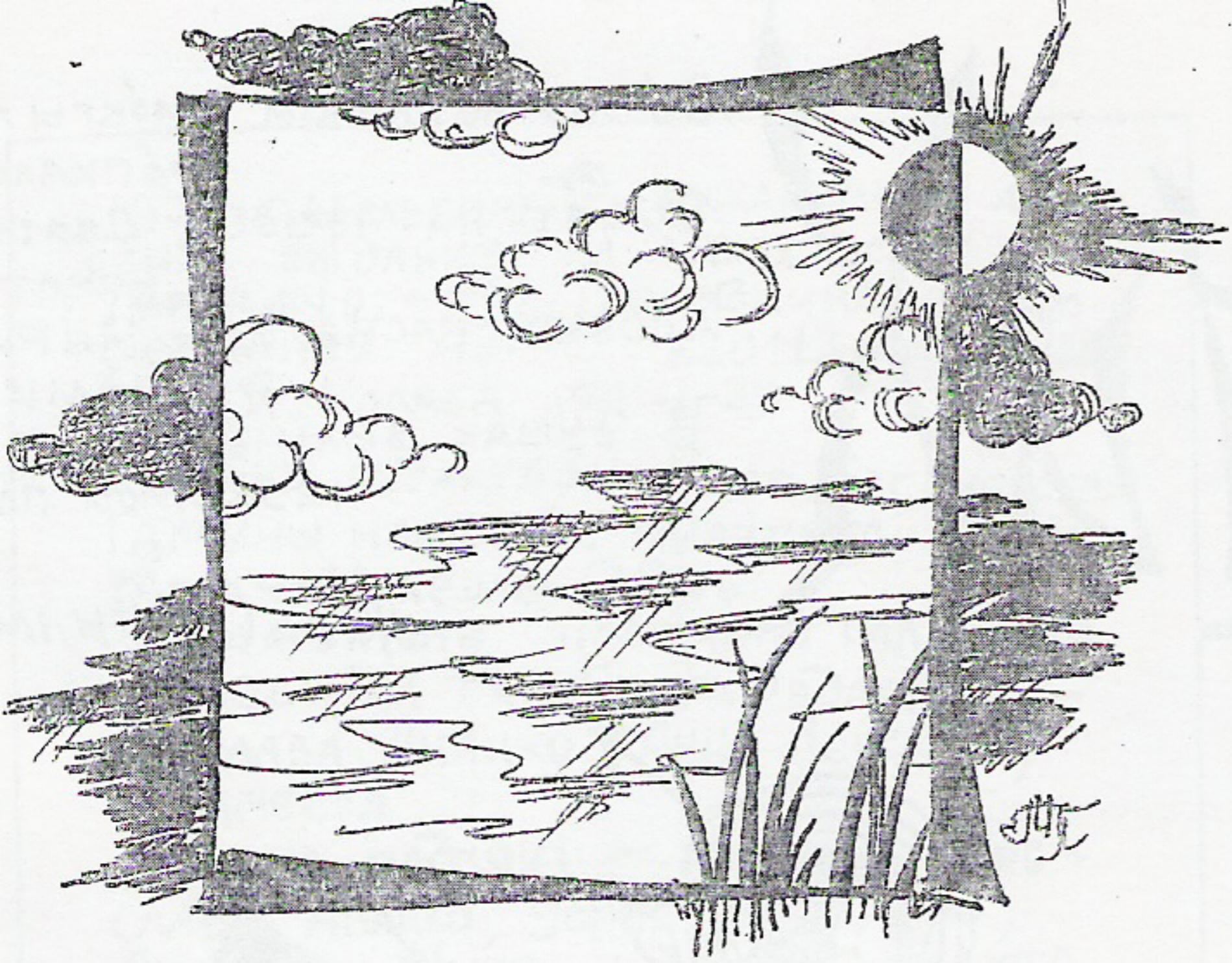

Затравленной тишью,
 Холодной, неоновой...
 Заполненной нишей
 И звуком проколотой...
 Воздушные змеи,
 Летящие выше,
 Как тихо кричуя,
 Чтоб ты не услышал.

Замёрзшие пальцы
 Иголкой исколоты.
 Запретные фразы.
 Молчишь только снова ты.
 Замёрзшие губы,
 Молчанем занятые,
 Такие холодные,
 Такие приятные...

А. Лепская

У ПРАЗРЫСТЫЯ ХВАЛІ ДУХМЯНАГА СОНЦА
 ЯК ЧАС АДПЛЫВАЛА БАЛЮЧА - БЯСКОНЦА
 ВЯСНА МАЙГО ШЧАСЦЯ, ВЯСНА МАЁЙ МАРЫ.
 І хоць сІРАЦЕЛА - ВІШНІВЫЯ ХМАРЫ
 НАДАЮЦЬ ЦЯПЛА ЯЕ МОКРАГА КРАЮ,
 А Я НЕ ТРЫМАЮ, А Я НЕ КРАНАЮ.

Ляці, калі чуюш, што думак пяшчота
 Цябе не пакіне ў балюце асота,
 Цябе не захопіць зялёнай вядою,
 А радасць не стане імгненна бядою.
 І смутку па мне я табе не жадаю.
 А я не краваю, а я не трымаю.

Яс Я Ват' Я Н

(арфаграфія і пунктуацыя аўтара захаваны)

Всё тот же знакомый голос окна:

— Добренького утраца!

Почтительно кивнула.

— Ну и как Фейербах? — твоя вопроса падразумеваа нешто большае, чым проста вежливост — негоддальны інтэрес.

— Фейер... Ах, чэрт с ним! — отмахнулася я от перспектывы абсудыць разныя там сентэнцыі і квінтэсэнцыі с трывіальным кускам аконнага стекла.

— Не просто стека, а в раме, — бестактно вклинилось окно со своим замечанием в тонкую нить моих рассуждений.

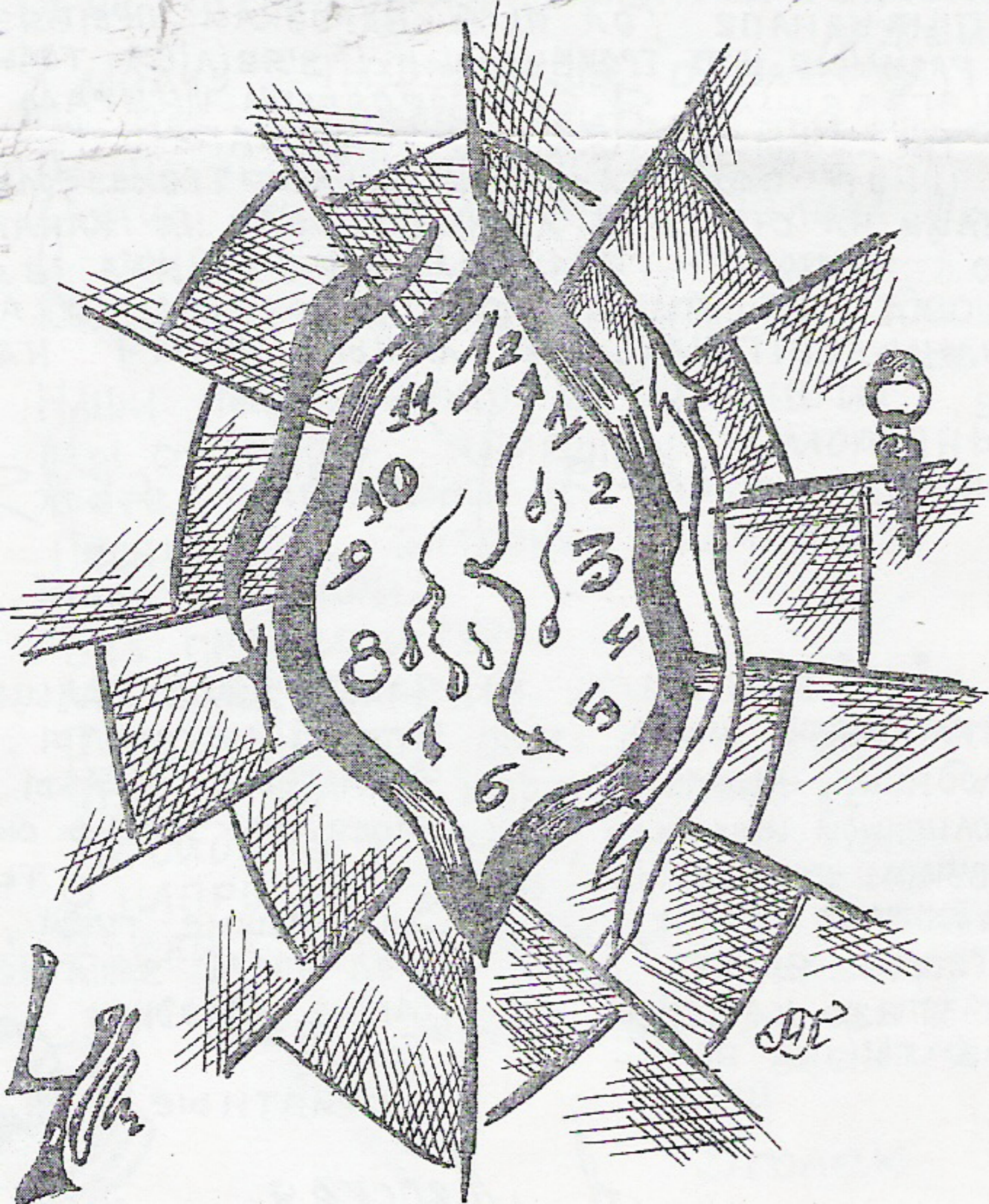
— Детали, — кинула я в своё оправдание.

— В деталях — суть, — с явно феербаховской интонацией возрило окно.

«Ах, вот мы как заговорили!» — возмутилася я про себя и включила плеер, чтоб насладиться — таки тишиной.

Упаўшая Д Верб

Хочется встать, уйти и забыться,
 лечь на постель, одеялом укрыться,
 кофе сварить, закурить сигарету,
 в плеер поставить другую кассету.

ВРЕМЯ

В зеркальных отраженьях беспечности пустой
 Сопутствие родившихся хрустальных слов.

Не чувствую тех слёз озябшею душой,
 Смотрю на близость северных ветров.
 Они сквозят, не добавляя в нашу сущность веры,
 А мы идём наперекор запутанной судьбе,
 Не замечая под ногами лунь потери,
 Оглядываясь на пороки в душной тишине.
 Мы забываем имена родных и кровных,
 нас оставляют люди навсегда.
 Но мы не плачем — мы смеёмся словно.
 Мы возвращаем, бережём, не умирая никогда.

АНГИНА

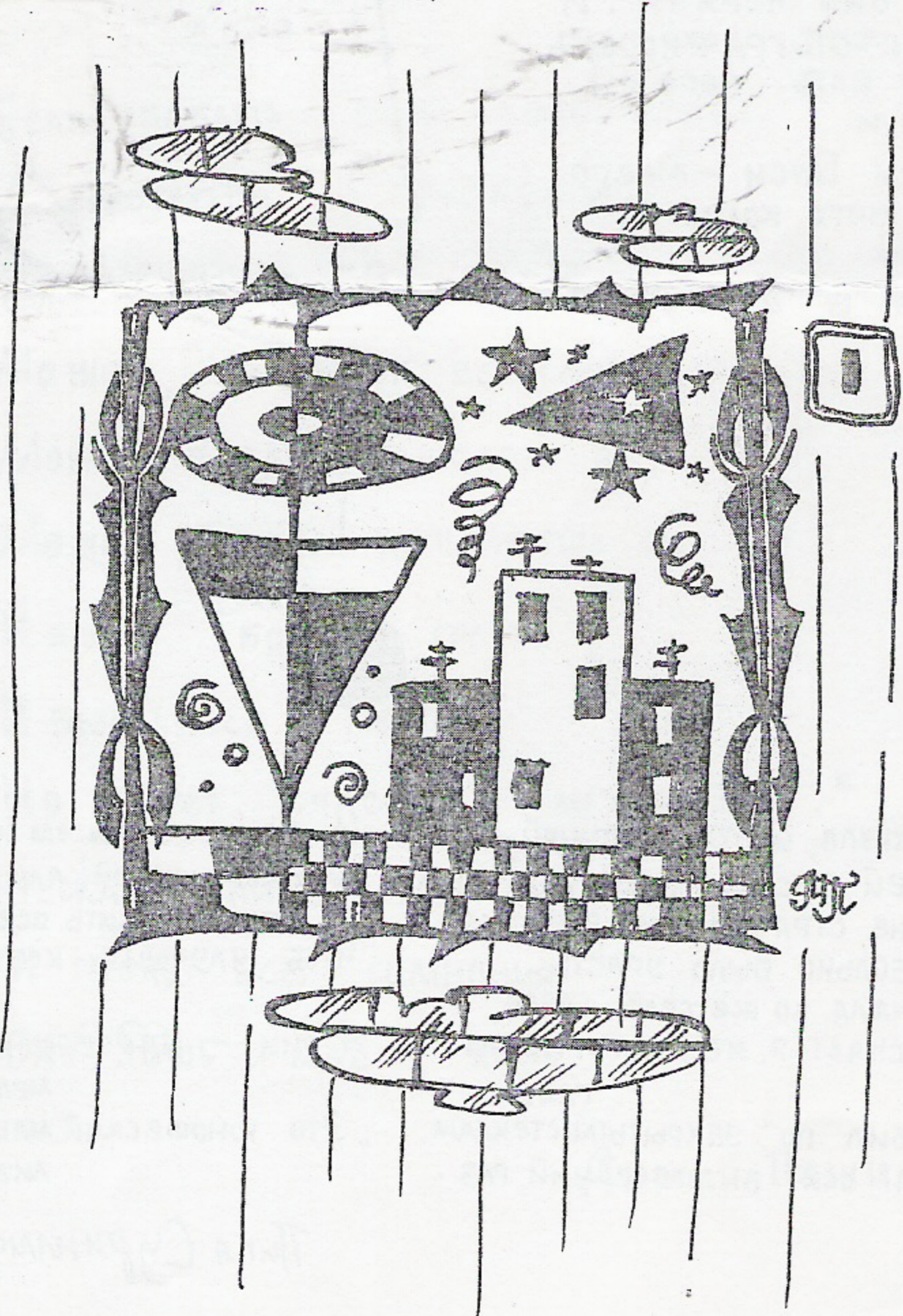
Я не паспяваю за сваімі марамі. Яны
 жыўць у іншым вымярэнні. Але ніяк не бягу,
 бягу — нічога не дапамагае! — усё, згубіла...
 Аглядаюся навокал: як пуста, нятульна і
 холадна мне без маіх мрояў! Раптам ва-
 кол мяне таньчыць цэлы карагод клічнікаў.
 Кола круціцца, круціцца, кола азімгалава круціцца кру...
 Стаю. Паўлю раўнавагу. Карагод спыніўся. Пры-
 глядзелася: дзе я? Нешта знаёмая але...
 Занадта ярка, занадта добра, занадта... Стоп.
 А што гэта там за шматкі шматкаляровых,
 але ўжо вылінялькі апранах? Няўжо гэта
 тое, што раней было маімі марамі? Але свет-
 нашмат прыганэйшы і цікавейшы за іх. Прос-
 та я гэтага не заўважала!.. А неслія
 яны наперад, падхопленыя ветрам — нядзіва,
 што я не паспявала. А ці трэба было спя-
 шацца? Зараз азіраюся назад і бачу, што яшчэ трохі, і я
 прайшла б міма... майго жыцця.

Глыбока ўздыхнула, акуратна лыйшла купку блёк-
 лых лахманоў. Куды цяпер?
 Крокі, змаўкаюць у цішыні.
 Куды? Насустрэч сусвету!

X M

Меняць цвет по выходным. Разукрашивать
 стены в лимонное солнце. Изорвать обои в
 клочья. Примерить радостную улыбку в траур-
 ный день. В радостный — траурную. Вновь
 рождаются каждые 13 дней. Остальные 12
 жить не по правилам и закаменелым принци-
 пам. Отменить чёрно-белое, установить всевоз-
 можное. Каштановыми листьями залепить все дыры
 в сознании...

Солнечный свет под покровом ночи... Песчин-
 ки искренности в покрытых пеленой непонимания
 глазах. Уголок души... Что-то обрывается внутри...

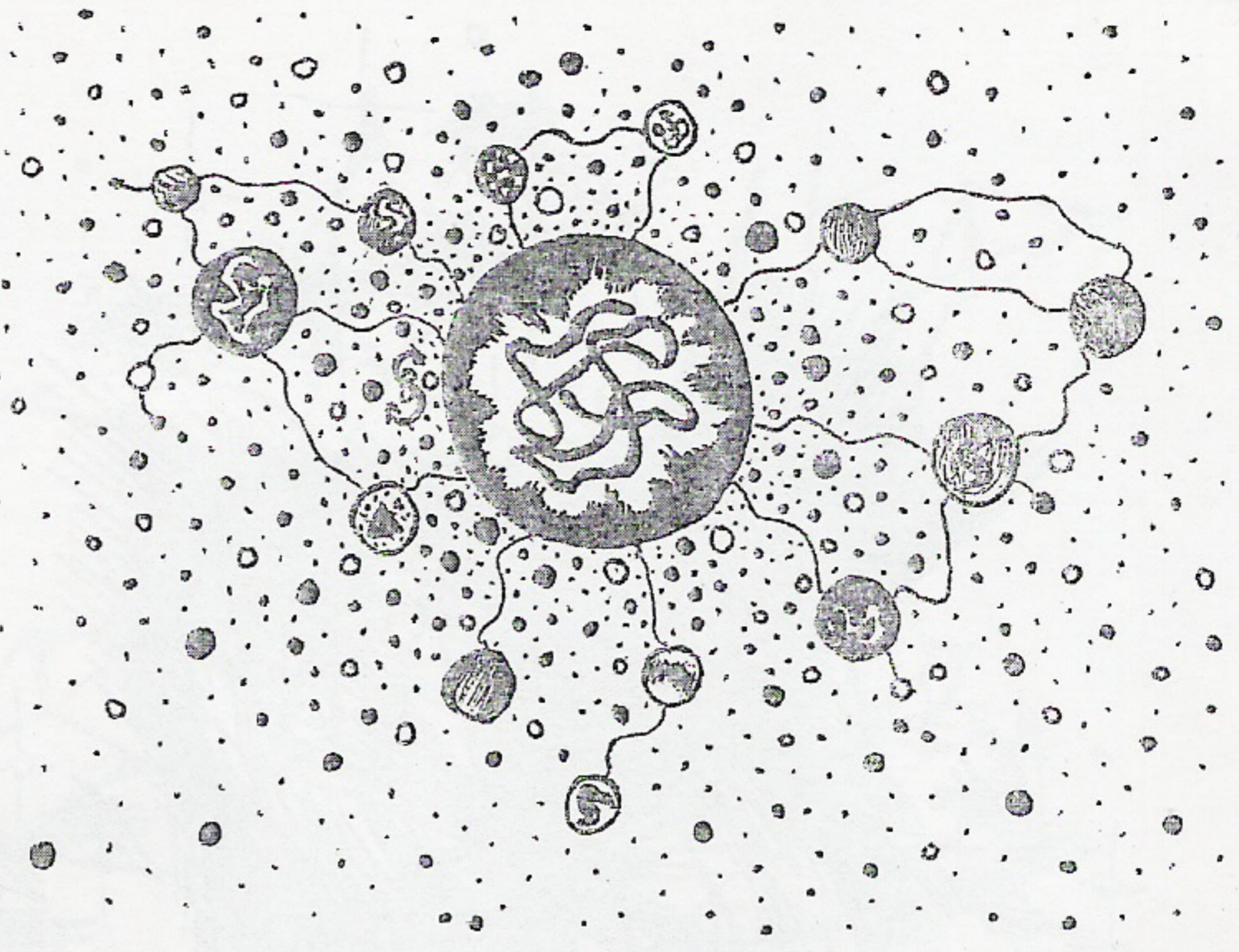
„Каждую
 ночь я уле-
 таю прочь
 от квадра-
 та сте-
 ны“...
 Улетая,
 не забудь
 выключить
 свет.

Легко —
 Мысленная

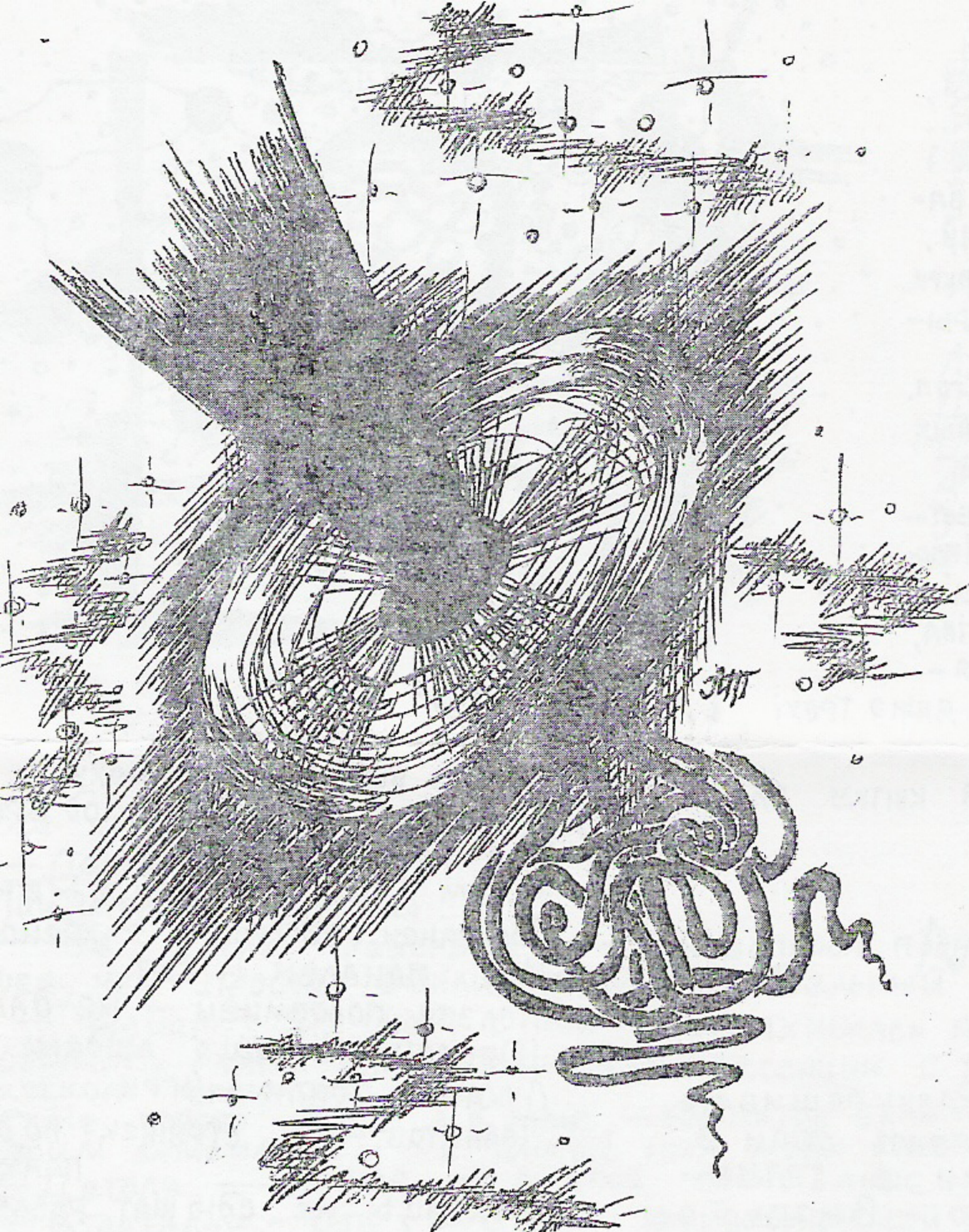
Убер Алес

Промчался поезд, даже на
 минуту
 Не останавливаясь у моего вокзала
 И кто-то очень близкий мне
 оттуда
 Ручкой на спящий город указал
 А рельсы так и тянут за собой
 Пусть нет дождя, пусть дома
 запретят
 Но ведь так хочется махнуть
 рукой
 И сесть в вагон, куда глаза
 глядят
 Подальше от грохочущей пустыни.
 Сначала к людям, близким и
 родным,
 Затем, с палаткою и вместе с
 ними,
 В лес по тропинкам старым и кривым.
 И так не на неделю, не на месяц,
 Надолго, может быть навсегда.
 Я соведу людей похожих вместе
 И сяду вдруг я в поезд по
 весне...

Уголёк

Рвал и вышел на краюку,
 На уровень выше — под брюхо,
 К очереди на весы.
 К тем, кто по кругу — вторым
 Оболванен, обструган — хреново,
 Ибо банален и сыт.
 Ползти половицей — не дали,
 Юбилейные лица медами
 Лукаво: вопли — угри...
 Талантов — как стружек под
 плахой,
 Мокрицы не сюжат размаха,
 Заперт снаружи — внутри.
 Заплечный Ангел — в шевронах.
 Обожаю приманки шаблонов,
 А мельница — в крен.
 Глаза Её — баланды из
 брюквы,
 Зевота рвёт гланды да буквы
 Анатомических арен.

А когда падаешь, не всегда чувствуешь эйфорию ...

... Выплаканные глаза, вычерченные багрово чёрным. Выпертая чужая нижняя челюсть, выбитые в кровь зубы. Ладони, прижатые к асфальту, и мокрый, заплаванный камень перед клубом. Пальцы, оттоптаные ботинками на толстой подошве ...

... Снова звёзды, которые ярче фонарей, спящих глаза, и снова асфальт, приятно хлещащий горящие багрянцевые щёки и лоб. Уткнуться, как в подушку. Только твёрдо ...

... А потом встать и брести, встать и ползти вдоль чёрно-белых столбов и ухмыляющихся рон через колючую проволоку за той последней электричкой, в которой поют, бряцают на гитаре, пляшут и целуются ...

Облака ночью замедляют своё движение, меняют цвет и высоту. Плачут и падают птицами с оплавленными крыльями на землю. И становятся людьми. А моя жизнь кончилась ещё миллионы лет назад, когда облака были только ледяными кристаллами, которые так больно впиваются под ногти, когда падаешь в пропасть ...

Что сделаешь. И огорчаться не стоит.

А. Лепская

Хорошо

У меня есть две комнаты два на два метра и маленький коридорчик, соединяющий их. Они белые. Полностью. От пола до потолка. И без мебели. Хорошо. И я здесь постоянно. Иду с фотоаппаратом прихода ... Смерти. Она чёрная. И оставит свои следы. А я хочу успеть их сфотографировать. А чтобы поскорее с ней встретиться у меня есть первый лучший друг — Героин. Мы прекрасно ладим.

Начав эту затею, я последовала примеру Васи — моего теперь уже второго лучшего друга. Только у него комнаты чёрные. Он идёт прихода ... Белой Горячки.

Дом Васи напротив. И мы два раза в день водно и то же время устраиваем переключку.

- Твоя ещё не пришла?
 - Пока нет. А твоя?
 - Тоня.
 - Надо ждать лучше.
 - Надо.
- Хорошо.

ScheMa

— Ты живешь у Воршы?

— Не, проста адтуль мой любімы пісьменнік. Выразнае, у рэшце рэшт усвядомленае адчуванне, што ты — маленькая кропелька. Выраз стомленасці на твары. Спрацавала сігналізацыя, мы ідзем у наступ. Яны падыйшлі занадта блізка! Агрэсія. Гвалт. Ніхто не звярнуў увагі.

ХМ

Я вдохнула и стала птицей, летящей высоко в облаках. Мне не страшно было разбиться и не больно было упасть. Я кричала во всё своё горло, Я от счастья не закрывала глаз. Ветер бил по закрытым стёклам. Я жила как в последний раз.

И очнуться совсем не хотелось (И откуда такой альтруизм?). Я готова выбить все стёкла, чтоб улучшить кому-нибудь жизнь! А они — недовольно и мрачно: "Это юношеский максимализм".

Тина Суринамская

Осень: огромной жгучей лапой прикрывает все щёлочки, сквозь которые может просочиться солнце. Глупая. Думает заменить своей рыжей шевелюрой небесное светило. Думает, очень приятно смотреть на её вешний дебош, послелетнюю тусовку, в которой она уничтожает всё: и листья, и ромашки, и огромные махровые облака, превращая их в малкое подобие драгоценных металлов.

Не драгоценности это! Холодное, мутное, слезливое небо абсолютно непохоже на „серебряный купол“. Да и окраине листья слабо смахивают даже на копейки. Золото не гниёт. И не горит.

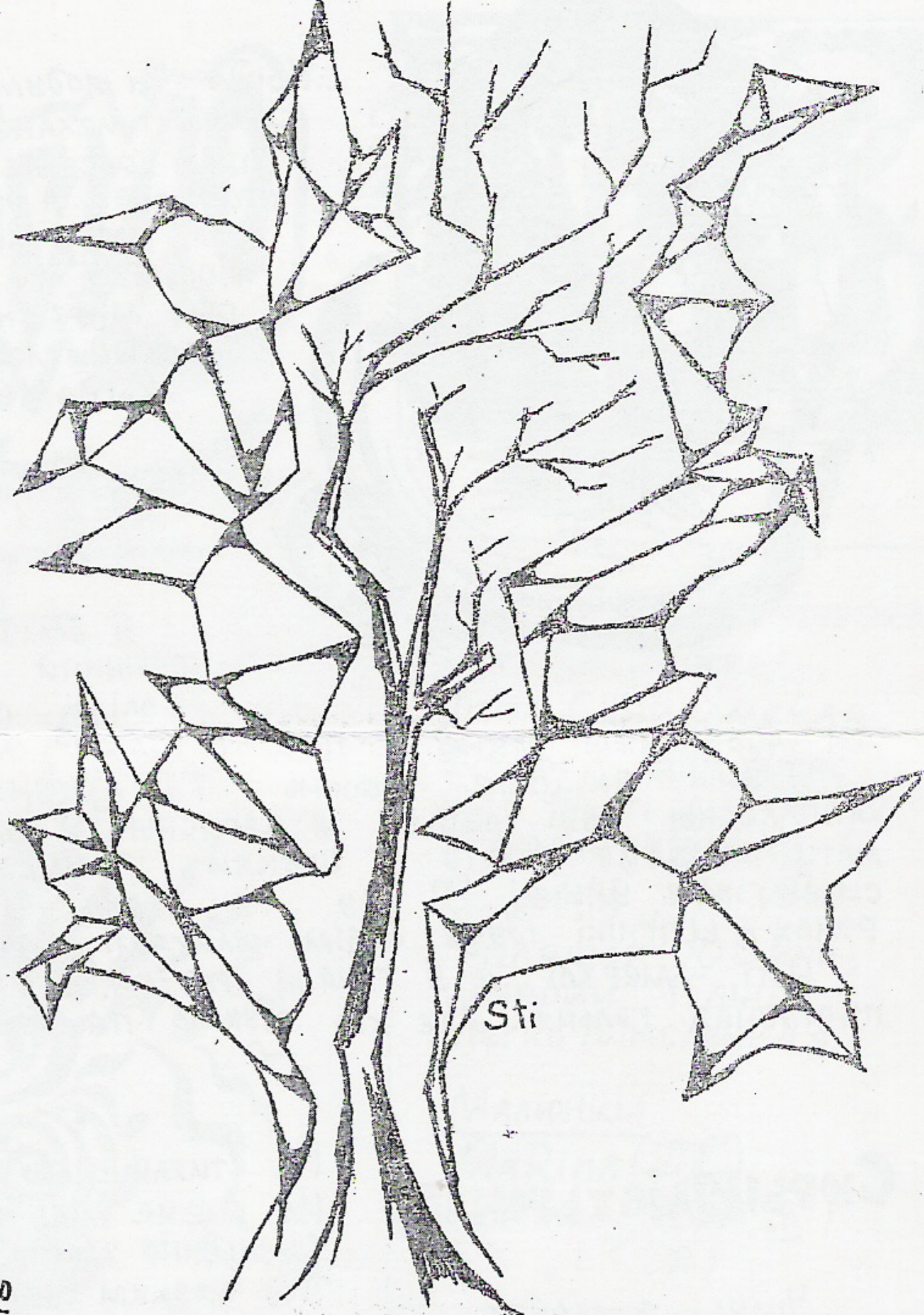
А в душе какая пакость!.. Бредешь по пустому переулку, вся скукоженная и прозябшая (холодно. И зонтик, конечно же, дома), думаешь, что бы такое несносное сделать, какую бы штуку выкинуть, чтоб замолчала эта визжащая тишина, и пассивность куда-нибудь уткнулась своим согнутым носом, выплакалась и обернулась к городу другим, помолодевшим и повеселевшим, лучезарно-ликующим лицом. Чтоб осень хотя бы по выходным забывала роль серьёзной тётки, и бешено вривалась в усталое сердечко в образе юной и живой (!) девочки с оранжевым бантом на макушке. Что бы такое выкинуть?

А выбрасывать что-то надо. Срочно. Лицо тормозить и растягивать губы в светлой улыбке. Живём ведь, народ! Не существуем. И в осени жить нужно. Только радости, к сожалению, будем сочинять сами. Надина она. И ры-ыжая.

Яся Ватъян

Если забыть весь свой стыд
И расстаться с совестью,
Может, и выйдет бред,
Может, и будет всё глупостью.
Может, потом пожалею я,
Может, потом пожалеешь ты,
И будет болеть голова,
И разобьются мечты,
Но будет счастье я мгновенье.
Пускай лишь только одно...
И прочь все сомнения!
Оно лишь моё, лишь моё...

Дивови Пани

Sti

...Когда ты подумаешь обо мне, я буду уже далеко... во власти сложных механизмов и серьезных людей. Моё тело коричневым пятном распластается на девственно-белой, в отличие от меня, простыне, а руки будут беспомощно тереть оборванные края ковбойских брюк. Глядя в потолок сквозь железную сетку-тюрьму, я на миг увижу, что где-то в совершенно другом мире на экране компьютера появится мой паталогический мозг..

Когда ты подумаешь обо мне, я буду думать о вечном.

Тина Суринамская

Я усаблю уябе, восень. Ты насеш у сваёй няспынной віхуры мае думкі, памкненні й учынкi. Сваімі лёгкімі, як матыльковыя крыльцы, рукамі ты вызваляеш мяне з пасткі майго ўласнага розуму.

Я усаблю уябе восень. Ты адчыняеш маю душу для халодных данджоў — кантрастны душ вельмі ж карысны. Я пагабляюся у стан пошуку, хоць ніколі не магу сказаць, што ж шукаю. Ты надаеш саіс маім учынкам. Ты пазбаўляеш сэнсу мае ўчынкі. Я іду, а перад вачыма мільгаюць блакітныя вагоны электрычак. Цягнікі ідуць сваімі шляхамі. Апошні кідок на поўдзень.

Ногі змерзлі, а ў галаве раз-пораз усплывае вобраз Дзярынскага. Шыццё — камп'ютэрная гульня. Але хто стукае па клавiшах?

ХМ

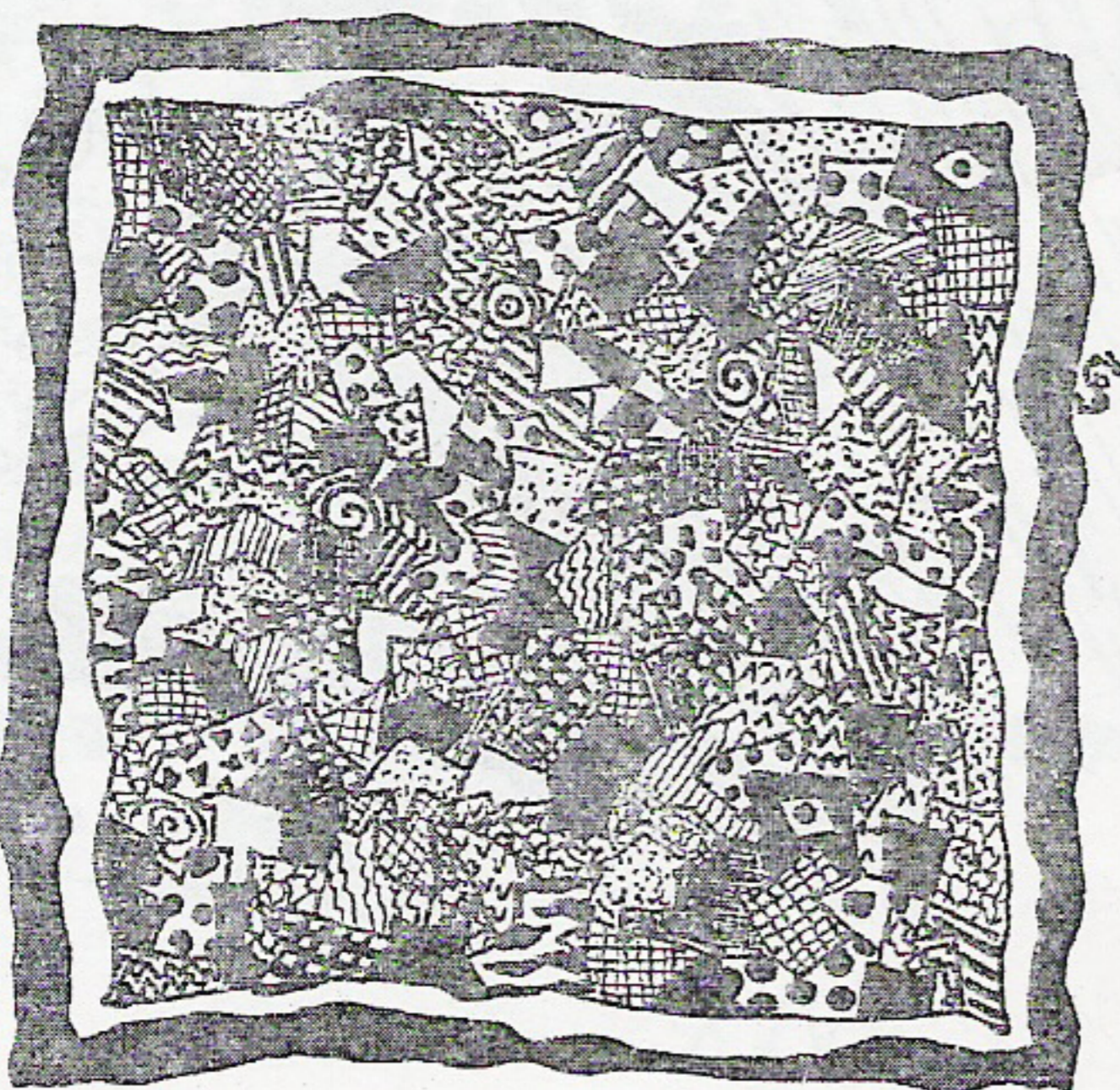
СЮР'ЯЛІСТЫЧНАЯ

Учора з майго твара зніклі вочы. Напэўна, згубіла ў трамваі.

Акрылавая фарба па-ранейшаму надхняюць: разам з вачыма я не згубіла пачуццё густы. Тэорыя неверагоднасці ў маштабе асобна ўзятага індывідуума.

Акрыляюць не крылы, акрыляюць акрылавая фарба ў маленькіх бутэлецках. Калі

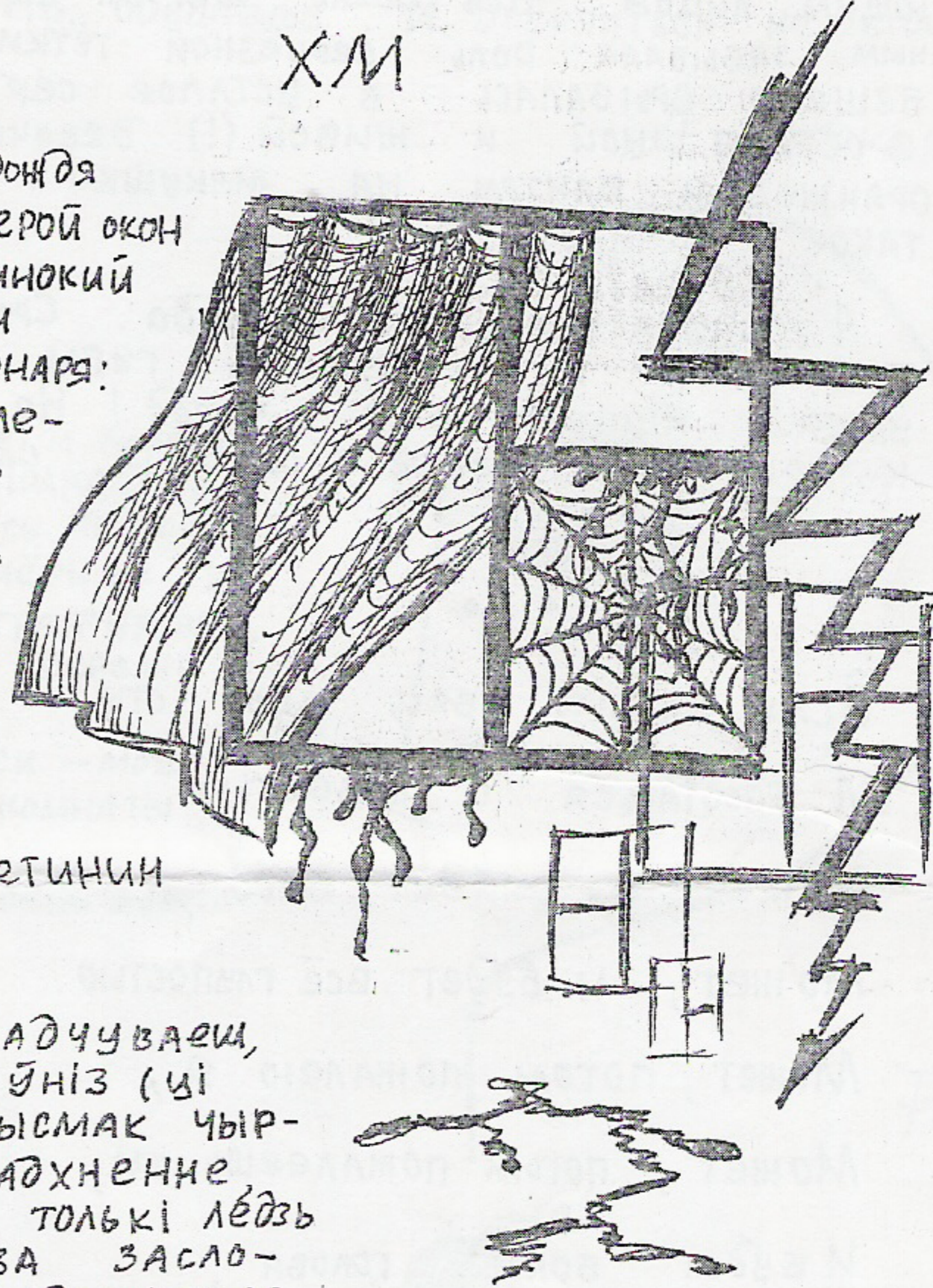
засоўваеш палец у конную з іх па чарзе і адчуваеш, як халодная мокрая фарба паўзе кроплямі ўніз (ці ўверх) па руцэ; калі на языку — салодкі прысмак чырвонай фарбы, нараджаецца ... не, не надхненне

Не стихаюцый монолог дождя на сцене улиц за портьерой окон смущенно замер вечер одинокий под вязким светом-мёдом фонаря:

„Бесконечная усталость сплетённых рук, бесконечна благодарность прошитых дней“.
Монолог прочитан — аплодисментами шагов
Разразился зал мостовых-дорог
За потерей окон.

Николай Щетинин

а ўсяго толькі лёдзь бацнае за заслонай тугі адчуванне малеічкага шчасцейка. Якое знікае адразу ж, як толькі апошняя кропля акрылу пераўтварыцца ў чырвоную пляму на падлозе (ці на столі).

Я спрабавала знайсці вочы. Беспаспяхова. Напэўна, іх прыхапіў які-небудзь маньяк-калекуянער.

Кася Каганюска

